

Д.Дж. Андерсон
ЗАПИСКИ “УШЕДШЕЙ В СЕБЯ УЛИТКИ”:
ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ С.М.
ШИРОКОГОРОВА И ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ “ЭТНОС-
МЫШЛЕНИЯ”

Ключевые слова: этнос, история этнографии, Забайкалье, эвенки, орочены

Статья представляет обзор экспедиций Сергея Широкогорова и его жены Елизаветы в северо-восточное Забайкалье в 1912 и 1913 гг. Супруги документировали жизнь и быт людей, которых они идентифицировали как ороченов. Позднее Широкогоров отмечал, что идея этноса и интерес к тунгусскому шаманизму зародились у него во время этих экспедиций. Статья уделяет внимание атмосфере конкуренции, вынуждавшей Широкогоровых искать все более удаленные и изолированные места для своих идей. Первые встречи с ороченскими охотниками и шаманами способствовали формированию ядра теории культурного роста и упадка, которой Широкогоров занимался на протяжении всей дальнейшей жизни.

Сергей Михайлович Широкогоров был продуктивным – и загадочным – этнографом, изучавшим Восточную Евразию, чьи работы вызывали бурную реакцию учеников и коллег как при его жизни, так и после смерти. В ряде стран – особенно в Китае (*Fèi* 1994, *Guldin* 1994, *Liú Xiǎoyún* 2007) – еще при жизни его считали одним из отцов-основателей антропологии. На родине же на протяжении десятков лет труды Широкогорова недооценивали или просто игнорировали. Несмотря на это, страстно утверждаемая им биосоциальная теория развития идентичностей, известная как теория

Дэвид Джордж Андерсон | <http://orcid.org/0000-0002-9624-5867> | david.anderson@abdn.ac.uk | PhD (Cantab), профессор | Университет г. Абердин (King's College, Aberdeen AB24 3FX, UK)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Economic and Social Research Council, <https://doi.org/10.13039/501100000269> [ESRC ES/K006428/1]

этноса, стала основой позднесоветской этнографии. После смерти Широкогоров получил известность в России, хотя сам он стремился к европейскому признанию: вел обширную переписку с западными коллегами, долгие годы издавал, нередко за свой счет, книги на английском языке. В сегодняшней зарубежной антропологии Широкогоров редко ассоциируется со своей теорией “роста и упадка этносов” (“the growth and decline of ethnos”) – он известен главным образом как этнограф шаманизма и авторитетный исследователь эвенко-тунгусских народов. Видимо, из-за непростой, пересекающей несколько стран жизненной траектории и трудного характера соединение его теоретических идей и полевых исследований не было в достаточной мере осмыслено. Понимание его жизни осложнял и тот факт, что в период между 1912 и 1939 гг. он был приглашен на работу в восемь разных университетов и академических сообществ в России и Китае, в регионы, претерпевающие трансформацию под влиянием революции и/или сопротивления иностранной оккупации. Все, кто занимался изучением творчества Широкогорова, высоко ценят его внимание к деталям и исключительно широкий круг “полевых” интересов, однако хаотичность и разрозненность его заметок и писем, адресованных большому числу институтов по всему миру, вызывает у исследователей некоторое раздражение.

Данная статья посвящена анализу материалов забайкальских экспедиций 1912–1913 гг. Сергея и Елизаветы Широкогоровых: осмыслению того, как опыт этой работы мог отразиться на их представлениях и размышлениях. Автором рассмотрены заново собранные и оцифрованные архивы писем¹, коллекция фотографий и артефактов², набор записей на восковых цилиндрах³, две ранее неизвестных неопубликованных рукописи, посвященных ороченам, ретроспективные мемуары, которые Широкогоров публиковал в предисловиях к своим более поздним трудам. Кроме этого, автор опирается на изданный в 1914 г. отчет о полевой работе (*Широкогоров, Широкогорова* 1914), на две

его рукописные версии, находящиеся в архивах Санкт-Петербурга⁴, и на сохранившийся полевой дневник Елизаветы Широкогоровой (СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 803)⁵.

Хотя в статье приводятся доказательства того, что забайкальские экспедиции заложили фундамент биосоциальной теории этноса, некоторая непоследовательность в текстах Широкогорова позволяет сделать предположение: этот проект вполне мог развиваться и как исследование перформативных идентичностей. Автор представляет контекст формирования “этнос-мышления” как личное путешествие Широкогорова. Растущее отчуждение от петербургских интеллектуальных кругов лишь укрепляло его уверенность в себе и **авторитет** в **качестве** непрекаемого специалиста по этническим границам в Восточной Евразии.

Интеллектуальный контекст забайкальских экспедиций 1912-1913 гг.

Первой полевой работой Сергея Широкогорова была его археологическая экспедиция на Кавказ в 1910 г. (АЦМР: Ф. 386. Оп. 5. Д. 3). Однако именно две последующие – к ороченам и тунгусам Забайкалья – стали полевым опытом, позволившим Сергею и Елизавете Широкогоровым стать серьезными актерами в Евразии того времени⁶. Экспедиции поначалу шли по следам предшественников, но по мере того как пара продвигалась все глубже и глубже в тайгу в поисках “настоящих” тунгусов, изыскания обретали свою сущностную сложность. Чтобы понять содержательную сторону забайкальских исследований Широкогоровых, необходимо погрузиться в интеллектуальную атмосферу Санкт-Петербурга того времени, во многом определившую задачи их полевой работы.

В одной из своих публикаций Широкогоров рассказывает очаровательную историю о том, как в 1911 г. он откликнулся на зов В.В. Радлова, который искал “юного

исследователя”, готового посвятить себя тунгусской этнографии. Сергей Михайлович несколько нескромно описывает поставленную задачу как довольно трудное и опасное предприятие, приводившее предыдущих исследователей к гибели или доводившее их до отчаяния (*Shirokogorov* 1923б: 515). Исходя из того, что мы знаем о научной атмосфере в Санкт-Петербурге того времени, подобное описание звучит слишком романтично. После своего возвращения из Парижа в 1910 г. Широкогоровы быстро влились в интеллектуальные круги российской столицы. В сентябре 1911 г. Сергей Михайлович поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (СПФ АРАН: Ф. 4. Оп. 4. Д. 672. Л. 5), а с 1912 г. стал совмещать обучение, которому суждено было остаться незавершенным, с работой регистратора коллекций в Музее антропологии и этнографии (СПФ АРФАН: Ф. 4. Оп. 4. Д. 672. Л. 7). Там и произошла его судьбоносная встреча с В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом, которая предопределила отказ Широкогорова от карьеры кабинетного антрополога. По их рекомендации весной 1912 г. Широкогоровы отправляются в свою первую экспедицию в Читинскую область.

К поздней осени 1913 г. Сергей Михайлович уже числится членом постоянного бюро Сибирской подкомиссии по составлению этнографической карты России⁷ (АРГО: Ф. 24. Оп. 1. Д. 102. Л. 4). В 1914 г. отчеты Широкогоровых публикуются в бюллетене петроградского “Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях”⁸. Полевые отчеты и черновики монографий Широкогоровых читались, критиковались, рецензировались и присваивались большой группой людей – множество исследователей работало в том же самом поле. Так, в 1913 г., одновременно со второй экспедицией Широкогоровых, в Забайкалье прибыл фольклорист и этнограф А.А. Макаренко – “конкурент”, как с тревогой писал Л.Я. Штернбергу Сергей Михайлович, т.к. он должен был документировать ту же группу людей в том же самом месте (СПФ АРАН: Ф. 142.

Оп. 1 [1918]. Д. 64. Л. 188). В Прибайкалье в 1913 г. работал и этнограф Б.Э. Петри (*Petri* 1914). Таким образом, следует скорректировать несколько нескромный миф о том, что Сергей и Елизавета были единственными “полевыми” в регионе.

По словам Широкогорова, ключевой задачей его экспедиции было лингвистическое исследование. Он отмечает, что вышеупомянутому комитету была поручена реализация программы по “детальным исследованиям и сбору лингвистических и этнографических материалов, касающихся тунгусских групп” (*Shirokogoroff* 1923б: 514). Внимание к Забайкалью объясняется двумя причинами. Во-первых, в Санкт-Петербурге были лингвисты, “озабоченные” созданием подробной базы данных по тунгусским языкам для более полного описания сибирских, китайских и монгольских языков. Во-вторых, возникли опасения, что стремительное развитие сельского хозяйства и миграция населения приведут к исчезновению тунгусских племен, а вместе с ними и возможностей проникновения в тайны происхождения восточноазиатских культур. Потребность во всеохватности и в том, что сегодня называется неотложной этнографией, побудили В.В. Радлова отправить молодую чету в степную деревню на железнодорожную станцию Урульга – место, где, по-видимому, М.А. Кастрен начал свое первопроходческое исследование тунгусских диалектов (*Castren* 1856). Эти причины обусловили и ожидания супругов: в условиях давления расширяющихся, наступающих “этнических сред” (“*ethnical milieu*”) найти “изначальных”, первобытных представителей тунгусских народов и спасти, сохранить все, что возможно. Так, по-видимому, первые принципы теории этноса присутствовали в сознании Широкогоровых еще до того, как они ступили на подножку поезда.

Представляется, что определяющим моментом в их полевой работе стало разочарование от того, что они не нашли тех красноречивых тунгусов, которых

описывал М.А. Кастрен. В письме к Л.Я. Штернбергу от 11 июня 1912 г. Широкогоров признается:

Пришлось пересылать посылки на Урульгу, из кот[орой] мы поехали. Предполагалось найти тунгусский язык тут, но все тунгусы говорят по-бурятски <...> Те записи, которые мне удалось сделать, ясно показывают, что если тунгусский язык и есть, то в очень незначительной доле. <...> Признаюсь откровенно, что я несколько растерялся. Не знаю, приниматься ли мне за язык или нет. Если они говорят на ломаном бурятском, то есть ли смысл изучать этот жаргон? Тунгусы говорят, что раньше они говорили по-ороченски и что раньше они не говорили “по-тунгуски”, т.е. по-бурятски. Пока я буду у тунгусов и буду делать записи их слов пр. – вот на чем я пока остановился. Когда же доедем до орочен, то буду записывать и там (СПФ АРАН: Ф. 282. Оп. 2. Д. 319. Л. 2).

В результате Широкогоровы изменили исследовательскую стратегию. Они продвинулись дальше от Урульги к р. Аким и поставили лагерь в с. Тыксыр – месте проживания 24 ороченских семей, – где пробыли с 8 июля по 7 августа 1912 г. (*Широкогоров, Широкогорова* 1914: 132, 133, 135)⁹. Как следует из опубликованного отчета, супруги придерживались своей изначальной миссии и смогли составить лингвистическую базу из 1800 слов, 130 фраз и 5 коротких текстов (Там же: 135).

Между тем из материалов фотоархива отчетливо следует, что Широкогоровы переключились на сбор антропометрических сведений. С этой целью они использовали уникальную полевую стратегию: принимали участие в большом количестве свадеб, на которые съезжались родственники из соседних районов. Это позволило паре составить фотографическую и табличную базу данных орочен, проживающих на реке Аким.

(рис. 1)

Обычно мужчины, женщины и дети позировали на фоне бревенчатого дома; фотографии делались в профиль и анфас. Елизавета убеждала женщин дать согласие на

измерение калипером. Дополнительный проект включал измерение голов 23 китайских рабочих из окрестностей Читы (Там же: 136).

Не совсем ясно, где Широкогоров приобрел навыки и от кого заразился энтузиазмом в отношении антропометрии. Безусловно, ей могли быть посвящены курсы, которые он посещал в парижской Школе антропологии. Кроме того, совмещение лингвистических и физических особенностей было характерно для картографирования этнического разнообразия Ф.К. Волковым. Мы знаем, также, что через некоторое время после забайкальских экспедиций Сергей Михайлович был назначен заведующим отделом физической антропологии МАЭ (не имея формальной квалификации, но “зарекомендовав себя усердием и работоспособностью”) (СПФ АРАН: Ф. 4. Оп. 4. Д. 672. Л. 1). По всей видимости, ученый приобрел навыки антропометрических измерений и сопоставлений благодаря своему интересу и увлеченности.

Более яркий результат метода “антропологии-посредством-свадеб” представляет собой коллекция восковых цилиндров с записями песен, собранная Елизаветой. Эти пятнадцать записей 1912 г. пробудили аналитический интерес Широкогоровых к вопросам ассимиляции, что отмечено в опубликованном полевом отчете:

Песни и мотивы кочевых тунгусов заимствованы вместе с языком у бурят и, вероятно, сильно упрощены. Кроме того, тунгусы гораздо реже вообще поют и менее общительны, чем орочен. Как у тех, так и у других музыкальных инструментов нет, если не считать “варганчика”, имеющего самое широкое распространение в Сибири и за ее пределами <...> Воспроизведение на фонограф уже записанных мотивов и сказок производило на орочен и тунгусов самое благоприятное впечатление; тексты записанных сказок им были вполне понятны, а юмористические рассказы вызывали большое оживление и смех (*Широкогоров, Широкогорова* 1914: 135).

По возвращении Широкогоровых в Санкт-Петербург первым интеллектуальным продуктом их полевой работы стала короткая неопубликованная монография по

физической антропологии, озаглавленная “Кочевые тунгусы: антропологические исследования”, текст, по-видимому, окончательного машинописного варианта которой хранится в СПФ АРАН¹⁰. Монография включает наборы измерений черепов и коэффициентов, немного оживляют ее вышеупомянутые архивы фотографий на стеклянных пластинах. Проанализировав антропометрические данные 91 человека, Широкогоров выделил две группы, отличающиеся длиной головы и формой челюстей, обозначив их “тип А” и “тип Б”¹¹. К “типу Б” он отнес бурятское население и большинство тунгусов-коневодов, а к “типу А” – баргузинских тунгусов и, по гипотетическим предположениям на основе опубликованного отчета А.А. Майнова (Майнов 1901), тунгусов из Якутии. В заключительной части рукописи Широкогоровы размышляют о том, что, возможно, тунгусы родственны сойотам, кетам и другим сибирским народам. Второй значимой темой рукописи стало смешение, “меланж”.

(рис. 2).

Сергея Михайловича интересовало, сколько представителей “типа А” или “типа Б” имеют характеристики других типов. Стоит отметить, что на протяжении всей карьеры Широкогоров оставался верен этой первой полевой типологии. В 1923 г. в “Антропологии Северного Китая” (Shirokogoroff 1923a) он вновь использовал эти данные в сопоставительной таблице, в которую также вошли результаты измерений среди китайцев, маньчжуров и корейцев. В этой работе буряты были отнесены к “дельта-типу”, тогда как ороченно-оленеводы – к “гамма”. Распространение черт “гамма-типа” по всему Китаю, по мнению Широкогорова, являлось доказательством южного происхождения тунгусских племен.

Неопубликованная монография по физической антропологии оставалась для ученого точкой отсчета на протяжении всей жизни. Возможно, он собирался издать эту рукопись, но уже 10 мая 1913 г. чета Широкогоровых отправилась в Китай. Тем не менее

машинописная версия постоянно цитировалась Сергеем Михайловичем как опубликованная и доступная для ознакомления; в некоторых случаях он выражал опасение и даже убежденность, что ее содержание было растиражировано плагиаторами. Существенно позже он признался своему другу В.Л. Котвичу (1872–1944), что обеспокоен намерением Л.Я. Штернберга использовать манускрипт как “музейный справочник” (БПАНвК: 4600. Т. 7. Л. 55).

Вторая экспедиция была организована, чтобы наладить контакт с тунгусами-оленеводами, живущими глубже в тайге и, предположительно, лучше сохранившими язык. Началом работы можно считать 31 мая 1913 г., когда в с. Зюльзикан Широкогоровы купили лошадей. А уже 4 июня, не дожидаясь информантов, они отправились к месту назначения (Там же: 137) – к Яблонскому хребту в бассейне р. Витим. Экспедиция 1913 г. была гораздо лучше профинансирована. Российский комитет выделил на нее 1100 рублей (Там же: 144). В ходе работы супруги вновь использовали проверенный метод – участие в свадьбах. Сергей Михайлович писал Л.Я. Штернбергу:

Как видите, я все-таки попал в Баргузинскую тайгу. Вышло это в сильной степени случайно. Со свадьбы ороченской с ороченами мы кочевали дальше к западу тоже на свадьбу. Со второй свадьбы кочевали с ороченами же на третью свадьбу. Эти кочевки по свадьбам очень удачны. Сходится много людей, и есть возможность подобрать подходящих для работы. На свадьбах удалось найти и шамана, с которым завязаны, кажется, дружественные отношения, там же нашел старика, а на третью придет еще один, – оба кажется, дадут лингвистический материал – сказки (СПФ АРАН: Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 319. Л. 55об).

В этой экспедиции внимание Широкогоровых, видимо, сместилось в сторону классических тем – социальной организации и родства, что было вполне резонно, учитывая их участие в доброй дюжине свадеб.

По возвращении в Санкт-Петербург в конце сентября 1913 г. Широкогоровы взялись за написание классической этнологической монографии – книги по ороченской

этнографии. Незаглавленная рукопись на 189 листах – наиболее полная работа Широкогорова, основанная на полевых исследованиях 1912–1913 гг. В ней параграф за параграфом он анализирует и обобщает экономическую активность, отношения родства, особенности материальной культуры и верований, придерживаясь этнологических стандартов и той объективной манеры, которых следует ожидать от автора конца XIX в. Орочены в нем *узнаваемы*, их образ жизни обрисован сухо, но правдиво; во многом и сегодня описание соответствует тому, что можно наблюдать в северных районах Забайкальского края. В определенном смысле рукопись – этнография одной конкретной группы ороченов – более убедительна, чем разнообразные зарисовки из ороченской жизни, которые будут воспроизводиться в более поздних работах Широкогорова, таких как “Социальная организация” и “Психоментальный комплекс”. Ключевые параграфы этой работы были позже дословно (на английском языке) воспроизведены Сергеем Михайловичем в двух основных публикациях о тунгусах (*Shirokogoroff* 1929, 1935). Рукопись, хаотично скомпилированная, со следами редакторской правки от руки хранится в Санкт-Петербургском архиве (СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806)¹². По словам Широкогорова (*Shirokogoroff* 1929: x), существовала ее копия, которую он увез с собой в эмиграцию, а также исправленная машинописная версия (она не найдена). Широкогоровы намеревались издать этот текст после завершения полевой работы в Маньчжурии в 1915 г., но революционные события и эмиграция не позволили им осуществить эти планы, а учитывая хаотичность архивирования рукописи, можно предположить, что она не была даже как следует прочитана.

Оба неизданных текста (по физической антропологии и по ороченской этнографии), сопровождаемые фотографиями и артефактами, однако, представляют собой интересные и глубокие свидетельства серьезной полевой работы.

“Раскручивая улитку” теории этноса

В одном из поздних писем к В.Л. Котвичу Широкогоров признался, что впервые сформулировал “сущность теории этноса” в 1912 г. Эти слова написаны в Пекине в феврале 1932 г. в начале мрачного периода в истории Северо-Восточной Азии: Харбин был захвачен Японской императорской армией; к 18 февраля на значительной территории Северо-Восточного Китая образовано государство Маньчжоу-го. Однако, в своем письме Широкогоров сосредоточен на прошлых обидах и решениях, принятых в Петербурге более двух десятилетий назад. Он жалуется, что ему не прислали свежий том по тунгусской лингвистике (*Богораз* 1931), говорит о разочаровании в своих учителях, с которыми он работал в МАЭ, объясняет, что совершенно случайно стал полевым этнографом и что этот опыт породил в нем стремление систематизировать все, что он читал, и всех, кого встречал:

В 1912 году я имел несколько, две или три, беседы на теоретические темы со Штернбергом, из коих я убедился в том, что между нами не может быть даже взаимного понимания. Он был эволюционистом провинциально-революционного направления, компаративистом типа Фрезера, который был его идеалом и от которого меня тошнило, сантиментальным юдофилом (ведь, это целый комплекс!), искателем “улучшить” положение “инородцев” в Сибири путем их привлечения к “прогрессивному человечеству” и прочие вещи, которыми я интересовался в старших классах гимназии. Вы, конечно, можете представить, какое впечатление это произвело на меня. Между тем В.В.[Радлов] стал настаивать на том, чтобы я занялся какой-нибудь группой языков и поехал бы исследовать. Эти разговоры он поднимал несколько раз. Мое возражение было то, что как “полевой исследователь” я был самому себе неизвестен и не знал, как нужно изучать языки. В.В. решительно мне заявил, что я это могу делать, что я принял, так как ему я верил. Тем не менее, от денежной помощи для первой экспедиции, о чем В.В. говорил, я отказался. С момента принятия этого решения я должен был больше видеться со Штернбергом, так как В.В. мне сказал, что эта часть, технической организации, лежит на Штернберге, и тут же рекомендовал с ним не спорить. <...> Как только он вошел в

“контакт” со мною, он начал мне “объяснять”. <...> Мне приходилось молчать. С 1912 года, когда я впервые сформулировал сущность теории этноса, отчасти как результат операции с большим количеством народов по литературе и отчасти после встречи с живыми группами Забайкалья, и наконец, отчасти как результат общего уклона в сторону закономерности, я окончательно изолировался, ушел в улитку, поддерживая беседы преимущественно на лингвистические темы с В.В. (БПАНвК: 4600. Т. 7. Л. 55).

Поразительный пассаж. И не только из-за горьких замечаний в адрес своих учителей. Каким образом исследовательская полевая работа 1912–1913 гг., осуществляемая посредством посещения свадеб, могла привести Широкогорова к формулированию эссенциалистской и отчасти эволюционной теории? В какой степени теория этноса явилась результатом прямых контактов с ороченами и тунгусами? Каким образом образование Широкогорова определило тот опыт, который он приобрел в поле? Ключевой проблемой при перечитывании его ранних полевых отчетов является определение того, что именно могло быть упомянутой “сущностью теории этноса”.

В предисловии к своей русскоязычной книге об этносе 1923 г. Широкогорov намекает на то, что появление концепции было связано с необходимостью подготовить серию лекций для студентов Дальневосточного университета в 1918–1922 гг. В этот период Сергей Михайлович активно включен в послереволюционные процессы на Дальнем Востоке, и, как отмечает Д.В. Арзютов¹³, его политические идеи имеют определенную связь с его взглядами на этническую единицу и ее распад. Именно в этой работе зафиксировано самое раннее краткое определение этноса:

этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп. Это и есть этническая единица – объект науки этнографии (*Широкогорov 1923: 13*).

В этом раннем определении примечательно **используется** **понятие** “комплекс”, подразумевающее “набор черт”, т.е. имеющее более узкое значение, чем определение “комплекса” как “мировоззрения”, появившееся в позднейших работах.

В 1924 г. силами самого Широкогогорова опубликована брошюра “Этническая единица и среда” (“Ethnical Unit and Milieu” – *Shirokogoroff S.M.* 1924), которая в свое время получила широкое хождение и была представлена как перевод отдельных частей книги об этносе 1923 г. В английском варианте “улитка” Широкогогорова “раскрывается” чуть больше, подчеркивая его увлечение “ростом и упадком”, высвечивая его первые шаги на пути к более общей теории общества:

группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое общее происхождение, обладающих комплексом обычаев и социальной системой [укладом жизни], который [комплекс] сознательно поддерживается и объясняется как традиция, а также отличается от такового у других групп. Это и есть этническая единица, в которой протекают процессы вариации (роста и упадка) всех этнографических, лингвистических и антропологических феноменов (*Shirokogoroff S.M.* 1924: 5).

Следует отметить, что в 1916–1917 гг., по завершении полевых исследований в Маньчжурии, интерес Широкогогоровых все больше сосредотачивался на вопросах ассимиляции (“рост и упадок”), что, несомненно, способствовало переосмыслению более раннего забайкальского опыта. Кроме того, в предисловии к англоязычной брошюре 1924 г. понятие “этнос” дополнено на основании (свежих на тот момент и забытых сегодня) исследований бывшего ректора Абердинского университета сэра Артура Кита о связи личности с секретами головного мозга (*Keith* 1922).

Очевидно, что есть некоторое противоречие между компактностью приведенных выше определений и длинными, непонятными алгебраическими формулами, которые Широкогогоров использовал для изображения процесса роста.

(рис. 3).

Представляется, что смысл этих формул в том, чтобы чисто механически показать отношение между площадью поверхности (“территорией”), уровнем культуры (как, напр., кочевой, сельскохозяйственной или индустриальной), окружающей средой (“первичной средой”) и “эквилибриумом” этноса.

В конечном счете “улитка” этноса полностью “раскрутилась” в англоязычной версии “Психоментального комплекса” (1935). В своей переписке с В.Л. Котвичем и другими коллегами Широкогоров называл книгу “трудом всей жизни”, фундаментальным обобщением своей научной деятельности. Хотя эта работа получила известность отнюдь не благодаря размышлениям об этнической идентичности, удивительно, как во вступительных главах Широкогоров развивает определение этноса как процесса – совершенно в духе рассуждений конца XX в.:

Все вышеуказанные единицы [народы, нации, региональные, социальные, религиозные и культурные группы] являются результатом аналогичного процесса, насколько мы можем видеть из его конечных проявлений: более или менее аналогичные культурные комплексы, владение одним и тем же языком, вера в общее происхождение, наличие группового сознания и практикование эндогамии. Это определение, которое соответствует нашему определению этнической единицы [ethnic unit]. Однако не все они являются “этническими единицами”. Фактически мы видели, что такая кристаллизация может происходить в любой группе: группе, подразумеваемой окружающей средой, экономической активностью, психоментальным комплексом, а особенно специфическими условиями межэтнической обстановки [intercultural milieu], о которой я поговорю позже. Тем не менее, такое кристаллизованное состояние наблюдается не всегда и в некоторых группах происходит редко, как, например, в группах, основанных на религиозной и экономической дифференциации. Это ПРОЦЕСС, который может привести только к формированию этнических единиц, и этот процесс я назвал ЭТНОС. (*Shirokogoroff* 1935: 14).

Это развернутое определение отсеивает все социальные и биологические исследования того, что не ведет к формированию “этнических единиц”. Оно акцентирует

внимание на “комплексе”, подразумевая на этот раз не набор черт, а тип ментальности, который характеризует все подходы, предположения, поведенческие особенности, отличающие этническую единицу. Теория этноса несколько загадочно применяется к изучению только тех групп, которые уже “кристаллизовались”. Это, конечно, рождает вопрос: как следует изучать случаи, когда кристаллизация еще не произошла? Телеологическая проблема, касающаяся возможности знать заранее, как будет разворачиваться социальная ситуация, замечательно иллюстрируется метафорой улитки, использованной Широкогоровым в отношении себя в 1932 г. Этот возникший *post hoc* образ подразумевает, что траектория чтения и наблюдения Широкогорова могла “развертываться” вдоль одной аккуратно начерченной спирали. Можно предположить, что “рост и распад” его собственного мышления в 1912 г., а это было бурное время, с большой вероятностью могли привести к развитию в ином направлении. Некоторые свидетельства “не-этнос-мышления” есть в самых ранних записях и полевых заметках Широкогорова.

Кристаллизованные идентичности в Забайкалье

Следует отметить, что ни в письмах, ни в рукописях, ни в опубликованных полевых отчетах Широкогорова 1912–1913 гг. нет слова “этнос”. Появляется только префикс “этно-” как часть термина “этнография”, который значительно чаще встречается в названиях разделов, чем в текстах как таковых. Используются более традиционные понятия – “народ” и “народность”, – причем предпочтение отдается первому. Однако можно выявить определенные мотивы (не всегда отмеченные автором), которые позже будут доработаны Широкогоровым и представлены в опубликованных рассуждениях как ключевые элементы теории этноса. Для этого имеет смысл

разобраться с отдельными частями обманчиво краткого определения, приведенного выше: “группа людей”, “общее происхождение”, “один язык” и обычаи и уклад жизни, которые “сознательно поддерживаются и отличаются от таковых у других групп”.

Группа людей. Критерии, использованные Широкогоровым в рукописи по ороченской этнографии, имеют тенденцию к соотнесению групп людей с административными границами, которые делят тунгусов географически. Сам текст напоминает отчет о расследовании, в котором выясняются неточности царских административных классификаций. Наряду с проверкой административно-родовой структуры, на страницах рукописи Широкогоров представляет свою концепцию. Как следует из первых параграфов, идентичности многомерны: тунгусы являются “частью” ороченов. Однако эти многомерные идентичности в его работах не остаются неизменными. Так, в рукописи 1913 г. он причисляет все группы людей, говорящих на тунгусском языке, к ороченам. Но к моменту публикации отчета 1914 г. Широкогоровы уже различают тунгусов и ороченов, а внутри них – чистые и нечистые (смешанные) группы. В опубликованном отчете о более поздней полевой работе в Маньчжурии в 1915 г. они уже предпочитают использовать наименование “орочены” как основную категорию, которая включает в себя целый ряд групп, различаемых сегодня как отдельные национальности эвенков и ороченов (*Широкогорова* 1919). В 1923 г. в обзоре всех своих полевых исследований (*Shirokogoroff* 1923б), а затем и в каждой из своих знаменитых публикаций Широкогоров называет представителей всех коренных забайкальских народов тунгусами.

Ничего особенно удивительного в таком изменении этнографической терминологии нет. Ученые тратят немало сил на то, чтобы определить границы групп. Однако учитывая, что более поздняя теория Широкогорова претендовала на понимание самой сути этого процесса, мы склонны ожидать от него более высокого уровня

обоснованности применяемых наименований. Легкость, с которой он тасует и раздает идентичности, говорит о том, что и в его время этнос-процесс был скорее отражением в глазах наблюдателя, нежели объективной реальностью.

Широкогоровым были исследованы и местные классификации, соотносящие группы людей с “транспортными” животными, разведением которых они занимались.

Официально орочены разбиты на 6 групп: баунтовских, ангарских, подлеморских, две группы нерчинских и, наконец, олекминских орочен. Первые три группы называются тунгусами, последние три – ороченами. Я удерживаю только второе название, распространяя его на всех забайкальских тунгусов-оленеводов (СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 18).

Это название происходит от *орбн* – олень и значит приблизительно олений, в противоположность *мурчеп*, *мурч'сал*, происходящему от *мур'н* – лошадь и который можно перевести как лошадный (Там же: 19).

Орочены – это одно из тунгусских племен. Их язык, конечно, сильно отличается от других племен. Они живут к северу от кочевых тунгусов (Там же: 72об).

Эта практическая классификация, приближенная к тому, как сегодняшние орочены описывают себя, больше **нацелена на** отражение **практики**, нежели **на** авторитетное заключение кабинетного ученого. Однако даже в пределах своего обзора того, что мы бы описали как перформативные идентичности, Широкогоров употребляет оценочную структуру, в рамках которой “настоящими” ороченами являются те, кто передвигается на оленях – в отличие от хаминганов и мурчеп, использующих лошадей: «[Кочевые тунгусы] называют себя термином *хамнага*; русские называют их тунгусами, орочены – *мурчеп* “лошадные” (от бурятского *мури* – лошадь)» (Широкогоров, Широкогорова 1914: 131). Сам факт, что этнические наименования могут быть связаны со способами передвижения людей, указывает на прагматическую

классификацию, которая выходит за рамки формальных структурных особенностей “этнос-мышления”.

Хотя сам Широкогоров не говорил, что изучение дискурса ороченского родства входило в его исследование формирования этнографических групп, это, вероятно, самая важная часть рукописи 1913г. Дискуссия по поводу имен родов начинается с раздела о “родовых группах” (СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 25об–26об). Родовая группа представлена как более мелкое подразделение в сравнении с региональной/диалектной группой (напр., баргузинами или ангарскими ороченами). В начале работы Широкогоров отмечает, что официальное разграничение трех родов “несколько не соответствует истинному” (Там же: 25об). Чтобы распутать сплетение реального и искусственного, он представляет свои полевые записи в виде таблицы, показывая наличие или отсутствие экзогамии между обозначенными родами (Там же: 29). Широкогоров уделяет особое внимание суффиксу “-гир”, который добавляется в конце многих эвенкийских родовых имен как знак древнего происхождения рода. Выводы относительно произведенных сравнений обобщены во второй таблице, в которой три официально признанных административных рода делятся на два параллельных списка местных родовых имен, признаваемых самими ороченами.

В рукописи представлены доказательства происхождения одного рода от другого, но отсутствуют примеры родовых делений и слияний, происходящих на практике. Это несколько разочаровывает, т.к. Широкогоровы, присутствуя на свадьбах, должны были наблюдать подшучивания и конфликты. Тем не менее ученый впервые описал, как роды и линиджи объединялись и разделялись и таким образом представил картину движения родов во времени.

В рукописи есть и любопытные заметки о том, что считалось хорошей партией:

для тунгуски брак с ороченем вообще считается *mesalliance*'ом. Тунгусы, в свою очередь, к ороченам относятся свысока, так как “орочены не имеют постоянных жилищ, а бродят в лесу, как звери”. Это отношение к ороченам тунгусами заимствовано, вероятно, от бурят (СПФ АРАН Ф. 849 Оп. 5. Д. 806. Л. 33).

Другой пассаж наводит на мысль о беспокойстве по поводу брачных договоренностей, которые могут быть нарушены:

Если калым был определен, предположим, в 40 голов, то при оценке всегда оказывается меньше. Нередко принесенное оценивается, предположим, в 30-25 голов. Тогда сваты возвращаются в юрту жениха, где их ждут с нетерпением. Делается прибавка или деньгами, или животными, или просто водкой (2-3 бутылки), и сваты снова уходят к невесте. <...> В третий раз торг закончен. Сватов одаривают со стороны невесты новым платьем, которое тут же надевается (Там же: 169).

Эта ранняя рукопись позволяет увидеть двусмысленность широкогоровской этнографии в вопросе незыблемости групповых границ. С одной стороны, он уверенно разрушает существующие административные деления, предъявляя свидетельства несоответствия заключения браков на практике официальным классификациям; ученый чувствителен к местным расовым иерархиям и перформативным аспектам управления идентичностью. С другой стороны, он утверждает авторитет этнографа-горожанина с его правом определять правильные этнические деления (хотя его собственные обозначения все время колеблются). Далее этот двусмысленный анализ границ групп перетекает в анализ общности происхождения.

Общее происхождение. Как и в случае с понятием “этнос”, в ранних работах Широкогорова нет прямого обсуждения “этногенеза”, нет и самого слова “генез”, но кое-где используется термин “происхождение”, связанный с ним по смыслу. Общность происхождения упоминается только для установления связи между легендами о происхождении и конкретными патрилинейными родами.

Таким образом, для баргузинских орочен собственными родами оказываются только: *солобор*, *дабавдыбар*, *муркор*, *малукчер*, *сибьиркочир* и *мурдочир*. Все эти роды по названиям и по конечным суффиксам отличаются [от] остальных, не считая еще двух общих родов, отличающихся по суффиксам *огдырыр* и *боркочир*, и для многих из них можно установить их недавнее происхождение. <...> Зная происхождение перечисленных родов и принимая во внимание, что все они оканчиваются не на *гир* или *быр*, как это может [быть] в других диалектах, можно предположить, что роды на *гир* и *быр* более старого происхождения (СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 29–30).

Отдельные региональные группы ассоциируются с особенной материальной культурой:

Ангарские и подлеморские ороченены стоят более изолированно от баргузинских. Они богаче, имеют по несколько сот или, по крайней мере, десятков оленей каждый, кроме оленеводства занимаются рыболовством и бьют нерпу, пользуются нартами. Их вещи орнаментированы несколько отлично при сохранении общих мотивов. Выделение подлеморских, как это сделано административно, искусственно, так как они ближе стоят к ангарским ороченам (Там же: 26).

Однако в неопубликованных “Этнографических заметках о кочевых ороченых” нет ни одного описания ороченского традиционного костюма с открытой грудью, который в более позднем этногенетическом трактате Широкогорова в 1923 г. указывается в качестве главного признака южного происхождения орочен.

Дискурс общности происхождения, развивающий идею связи судьбы отдельного народа с его происхождением, станет характерным для более поздних широкогородских работ и вызовет гнев советских “модернизаторов”. В этих публикациях Сергей Михайлович доработает свои сравнительные таблицы, чтобы показать, как идентичности перетекают по Евразии. Интуиция ученого наиболее ярко проявилась при составлении карт, опубликованных в “Антропологии Северного Китая” (*Shirokogoroff*

1923а). Предположение Широкогорова, что прародиной тунгусских групп был Китай, не было благосклонно принято в Советском Союзе.

Многое из поздних широкогородских рассуждений на тему происхождения не звучит в ранних работах ученого, что вполне понятно, поскольку большая часть его представлений о “росте и упадке” могла появиться только после проведения параллельных полевых исследований в Маньчжурии. Сам он подтверждает это в своих ретроспективных комментариях по поводу рукописи 1913 г.:

Вторая экспедиция показывает, что тунгусы Забайкалья не являются древним населением этого региона, что тунгусы, в целом, постоянно бродили по территории Сибири, Монголии и Маньчжурии и передвигались с одного места на другое из-за давления со стороны своих соседей или вслед за миграцией диких животных. <...> Мой антропологический материал показывает, что эта тунгусская группа является также амальгамацией различных антропологических типов, содержащей не только характерные типы тунгусов Урульги и монголов (хотя и очень незначительно), но и двух других типов, достаточно разных (*Shirokogoroff* 1923b: 517).

Идеи Широкогорова, касающиеся миграции и типов, также не могли быть тщательно продуманы до тех пор, пока его **знания** не стали шире после полевой работы 1917 г. Кажется резонным заключить, что окончательно оформленное этнос-мышление, должно быть, всегда было относительным и сравнительным, хотя отдельные этнографические описания могли быть стилизованы в духе сокрытия этого факта.

Один язык. Как отмечалось выше, лингвистическое исследование было ключевой задачей первой забайкальской экспедиции Широкогорова. Данное Сергею Михайловичу поручение выучить и изучить ороченский диалект было частью более крупного культурно-исторического проекта под руководством В.В. Волкова и Л.Я. Штернберга. Письма Широкогорова к Л.Я. Штернбергу свидетельствуют о тщательности, с которой

он выбирал лингвистических менторов. Это было непростой задачей, поскольку носители языка и тогда, как и сейчас, были многоязычными:

За все лето собрано около 1000 новых слов преимущественно из грамматических текстов, записано свыше 700 фраз и приблизительно 3 ½ печатных листа текстов, не считая к ним перевода. Этот материал дает возможность заключить, что существует два “говора” – нерчинский и баунтовский, представляющие не только фонетические отличия, но и некоторые морфологические. Кроме указанных говоров существует еще диалект ангарский, по которому записей за недостатком времени я сделать не мог. Диалект тунгусов кочевых, баргузинских и витимских тесно подходит к диалекту баунтовских орочен (*Широкогоров, Широкогорова* 1914: 144).

Рукопись 1913 г. по ороченской этнографии содержит массу мелких деталей, которые связаны с произношением специфических фрикативных согласных разными группами тунгусов и которые современный специалист по языкам немедленно обозначил бы как маркеры междиалектных различий (СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 24–25). В начале XXI в. трудно без иронии воспринимать рассуждения Широкогорова об ассимиляции и “вымирании” диалектных групп в результате смешений и колонизации, поскольку такую же неровную, нестандартную картину можно наблюдать и сегодня, спустя сто лет.

Документируемое Широкогоровым лингвистическое разнообразие или, как он выразился, “упадок” прекрасно иллюстрирует то, как он измеряет идентичность. Как и в случае с ревизией административных этнических границ, рукопись спешит зафиксировать сложный языковой ландшафт соревнующихся диалектов и креольских “жаргонных” сообществ. Однако тут автор более щедр в отношении местных социально-языковых ментальностей. Вместо поддержки доминирующей на тот момент парадигмы, увязывающей язык и идентичность, Широкогоров начинает развивать теорию о том, что

лингвистическое смешение и разнообразие свидетельствуют о “росте и упадке” этносов. Это видно из его рассуждений о “сознательно поддерживаемых” традициях.

Обычаи и уклад жизни, которые сознательно поддерживаются и отличаются от таковых у других групп. При анализе двух опубликованных кратких определений этноса трудно понять, что именно Широкогоров имеет в виду, говоря об укладе жизни и обычаях: то что они поддерживаются по традиции, что в достаточной мере отличаются (от других) или что являются целенаправленно осознанными? Основная часть его рукописи по этнографии забайкальских ороченов полна примеров, которые выглядят как каталоги обычаев.

Факт того, что ороченены обрисованы как охотники и все аспекты их материальной культуры и технологии призваны отражать именно это, показывает, что для Широкогорова это главный критерий, который отличает ороченов от других народов, таких как, например, хамниганские тунгусы-коневоды. В сравнении с современными исследованиями (и по разительному контрасту с более поздней широкогоровской работой) удивляет, что в рукописи не обозначено *абсолютно никакой* связи охоты с космологией, шаманизмом, судьбой или духами. Она рассматривается только как источник пропитания. Религиозные или “священные” объекты, такие как вездесущие саваки, в данном тексте предстают просто некими предметами, упомянутыми как часть убранства домов или как личные вещи. Широкогоров не связывает их с традициями или жизненным укладом.

Все имущество, которое бывает при ороченской семье, кроме седел, выюка и прочего, находится в юрте. Кроме того, в первой юрте или близ подвешивается связка религиозных предметов – саваки. Если в юрте есть маленькие дети, то ставится или подвешивается за со́на люлька. В юрте все время и летом, и зимой поддерживается огонь. О его религиозном значении будет сказано далее (СПБ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 134).

Народ-охотник, жизнь которого связана с передвижением диких животных и природными условиями, влияющими на охоту, будет играть важную роль в более поздних теоретических построениях Широкогорова. Необходимость сохранять мобильность и слабая привязанность к сельскохозяйственной базе адаптируют орочен (или их психоментальный комплекс) к тому, чтобы не сгибаться под давлением пришлых поселенцев, торговцев или миссионеров. Психология охотника, на которую Широкогоров намекает в своем тексте, возможно, и легла в основу тунгусского психоментального комплекса, ключевым элементом которого стала своего рода неугомонность, вынуждающая тунгусов менять места проживания, осваивать большие территории.

Главный пример Широкогорова, касающийся жизненного уклада, – перечисление терминов родства, используемых для расширенной семьи, норм брака и семейных отношений. Вслед за Л. Морганом он определяет нормы брака как шкалу социальной эволюции, а не руководство для решения конкретных проблем.

Эти небольшие детали дают возможность заключить о том, что ороченская семья успела проделать сложную эволюцию, прежде чем дошла до современного состояния. Система родственных названий и ряд обычаев как запреты, полигамия сестриной формы и другие обычаи, о которых будет речь впереди, подтверждают лишний раз то, что семья проделала и у орочен тот же путь, что и у других народов (СПБ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 162–163).

Завершающий раздел ороченской рукописи ожидаемо посвящен “верованиям”, но на деле рассматривает шаманизм, а точнее – шаманский наряд. Учитывая перечень духов, благодаря которому Широкогоров стал известен, удивительно, что эта часть рукописи выстраивается вокруг отдельных элементов одежды, которую носили шаманы. Позже он отойдет от такого “музейного” способа описания шаманского ритуала.

Смешанная коллекция обычаев, представленная в рукописи, кажется странной, если пытаться найти истоки этнической преемственности. С одной стороны, традиции, особенно связанные с родством, определены как вневременные и структурные. С другой – почти каждый второй параграф рукописи говорит об изменении, ассимиляции и отмирании традиций. Ученый как бы играет с темами преемственности и перемен. Тот факт, что предки современных людей обладали особыми социальными практиками, маркирует нынешнее поколение как объект этнологии. Однако слабость или исчезновение традиций в современности делает их малоприспособленным объектом для социологии. В зазор между этими двумя дисциплинами Широкогоров позже встроит свою теорию этноса.

* * *

Материалы забайкальских экспедиций Сергея и Елизаветы Широкогоровых представляют собой смесь классического и удивительно нового этнографических стилей. Ранние тунгусские рукописи составлены в духе неотложной этнографии, пытающейся запечатлеть остатки культуры, задокументированной и заверенной ранее отцами-основателями этнологии. Материалы Широкогорова напоминают расследование, в ходе которого все существующие категории были признаны несовершенными или неточными.

Записи и фотографии Широкогоровых подтверждают, что супругам удалось установить прочные дружеские отношения с местными ороченами/тунгусами и получить доступ к реальной жизни коренного населения Забайкалья.

Удивительно, что в текстах так мало прямых свидетельств зарождения теорий, которые принесут Широкогорову известность. Евро-американского читателя

разочарует, что его анализ шаманизма и охотничьих ритуалов ограничивается сухим описанием материальной культуры и одежды. Российскому – может показаться странным отсутствие или неочевидность предпосылок теории этноса.

Разумеется, Широкогоров обратился к своей первой полевой работе, имея этнологическое и антропологическое образование, привезенное из Санкт-Петербурга и Парижа. Тексты отражают его интенсивный интерес к материальной культуре. Сами ороченны были склонны порой играть роль ненадежных источников информации о своем языке и об объектах своей культуры: Широкогоровы неустанно подчеркивали, что были вынуждены постоянно углубляться дальше в тайгу в поисках информантов, которые “еще помнят” детали исследуемой традиционной культуры. При чтении ранних широкогоровских текстов отчетливо слышен тон, констатирующий происходящую утрату ороченской культуры и идентичности и ведущий к заключению, что ни мигрирующие ороченны, ни кочевые тунгусы-коневоды не являются исконными народами. Во времена своих ранних экспедиций Широкогоров вполне отдавал себе отчет в существовании социальных изменений, или “распада” [“disintegration”], как он характеризовал их, но, по всей видимости, не представлял себе механизм, объясняющий эти изменения. Возможно, новаторство его текстов **проявилось и в убежденности** в существовании какого-то еще не названного этнического сознания, упорно сохраняющегося в регионе, несмотря на креолизацию языка и утрату материальной культуры. Внимание раннего Широкогорова к перформативным сторонам идентичности, выраженным в традициях животноводства, предвещает более поздний интерес к “психоментальным” аспектам культурной идентичности.

Однако при более тщательном прочтении ранних текстов Широкогорова можно прийти к некоторым обобщениям, которые проливают свет на последующую поглощенность Широкогорова эссенциалистским этнос-мышлением. Было ли

неизбежным то, что ранние наблюдения и опыт приведут его к развитию теории этноса? Совсем не обязательно. Действительно, **можно** предположить, что, если бы Широкогоров сильнее **увлекся** объектами, а не “комплексом”, он **мог** бы написать об эволюции охотничьего оборудования или об одомашнивании оленей, а не о психологических корнях культурной диффузии. Как же контекстуализировать широкогоровское метафорическое ощущение того, что его мышление похоже на улитку, которая сначала, защищаясь, “уходит в себя”, а потом “раскручивается/раскрывается”?

Интересно, что метафора улитки – спирали – преследовала ученого. Это, возможно, наиболее сильный визуальный образ, к которому Широкогоров прибегал на протяжении своей работы. Особенно ярко это проявилось в довольно мистических иллюстрациях этнической диффузии, опубликованных в “Психоментальном комплексе”.

(рис. 4).

Этот биосоциальный – клеточный – образ выступает третьей сильной метафорой, в дополнение к прозаическому определению этноса и малопонятным алгебраическим формулам. Мне представляется, что развертывание широкогоровского “этнос-мышления” явилось не столько рудиментом его рефлексии относительно опыта дружеских отношений с ороченами, сколько отражением его непростой профессиональной жизни. В своем письме к В.Л. Котвичу Широкогоров драматически излагает обстоятельства, вынудившие его уйти в свою “раковину” под давлением конкуренции и контроля со стороны коллег, которым он не доверяет. Негибкий и нежелающий меняться, он, как “дикий тунгус”, предпочел отправиться сначала во Владивосток, а затем и к дальним рубежам, где мог в одиночестве развивать свои идеи. Может быть, клеточная модель межэтнического давления, экспансии и рассеивания отчасти явилась результатом его собственных тревог и судьбоносных решений? В этом

случае семена широкогоровской теории этноса следует искать не в его отношениях с ороченами и даже не в его этнографических дневниках, а в открытых, не отмеченных на карте промежуточных пространствах – между границами эволюционистской этнологии и революционной социологии.

Благодарности

Я хотел бы выразить признательность Сергею Алымову за предложение принять участие в этом выпуске и Дмитрию Арзютову, который первым привлек наше внимание к обширному архиву неопубликованных материалов Широкогоровых в Санкт-Петербурге. Эта работа не была бы осуществлена без архивных исследований и транскрипций, сделанных Русаной Сипли, Еленой Волжаниной, Светланой Подрезовой и Натальей Комелиной, которым я в высшей степени благодарен. Кроме того, я благодарен Ольге Пак за ее замечательный перевод статьи на русский язык.

Примечания

¹ Сохранилось пять писем (1912–1913 гг.) из переписки между Сергеем Широкогоровым и его своеобразным наставником Л.Я. Штернбергом. В целом, оставаясь верным метафоре спрятавшейся улитки, Широкогоров обсуждал в них финансовые вопросы, высказывал жалобы по поводу различных аспектов логистики. (СПФ АРАН: Ф. 282. Оп. 2. Д. 319. Л. 1–9; Ф. 141. Оп. 1 [1918]. Д. 64. Л. 188–192об).

² Коллекция фотографий и артефактов довольно богата. (АМАЭ: негативы № 2002, 2003; артефакты № 2016, 2067, череп и волосы № 1996–5244).

³ Фрагменты фонографических записей, сделанных Елизаветой в этой экспедиции, были также опубликованы (*Shirokogoroff E.N.* 1924; *Широкогорова* 1936).

⁴ Рукописные версии очень схожи с опубликованным отчетом. Каждая из них содержит расширенные варианты некоторых параграфов (описание вставок см. в книге: *Арзютов Д.В., Андресон Д.Дж.* “Путешествие через маньчжурский лес к антропологическим концепциям: этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых”, готовящейся к выходу в изд-ве М.: “Индрик” в 2018 г.). Рукописные отчеты об экспедициях 1912 г. (СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 41об, 42об, 44об, 45об, 95об–98об) и 1913 г. (СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 43об, 51об–55об, 74об–87об, 89об, 91об) размещены на оборотной стороне листов, но не могут быть прочитаны в таком порядке. Во второй рукописи отсутствуют как минимум 4 листа.

⁵ См. также статью А.А. Сириной и В.Н. Давыдова в настоящем номере журнала.

⁶ Подробнее об этом см. в готовящейся статье: *Anderson D.G., Arzyutov D.* The Etnos Archipelago: Sergeï M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*, в печати.

⁷ Подробнее об этом см. в статье С.С. Алымова и С.В. Подрезовой в этом номере журнала.

⁸ Формальные отношения между Сибирской подкомиссией и комитетом не совсем ясны, но представляется, что в них были одни и те же члены и возглавлялись они Л.Я. Штернбергом, В.В. Радловым и Ф.К. Волковым.

⁹ Мы не нашли копии этих первых лингвистических списков, но очень вероятно, что они были использованы в рукописном тунгусском словаре, опубликованном Елизаветой в Японии после смерти Сергея (*Shirokogoroff* 1944).

¹⁰ Машинописную копию “Результатов антропологического исследования среди тунгусов” можно найти на листах СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806. Л. 239, 242, 244–256; читается в данном порядке. Первая страница отсутствует.

¹¹ В соответствии с опубликованным полевым отчетом (*Широкогоров, Широкогорова* 1914: 131), представлены измерения 65 тунгусских мужчин и 15 тунгусских женщин, представителей смешанной русско-тунгусской группы из 6 мужчин и 2 женщин, а также 2 бурятских мужчин и одной бурятской женщины.

¹² Машинописная копия незаглавленной рукописи, которая, скорее всего, соответствует тому, на что Широкогоров позже ссылался как на “Орочены Забайкалья. Этнографическое описание”, рассредоточена на 189 листах в папке СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Д. 806, между Л. 1 и Л. 210, не всегда по порядку. Их связность нарушена текстами двух упомянутых рукописных полевых отчетов. Есть основания полагать, что четыре листа отсутствуют. Полные архивные сведения об этой рукописи см. в книге: *Арзютов Д.В., Андресон Д.Дж.* “Путешествие через маньчжурский лес к антропологическим концепциям: этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых”, готовящейся к выходу в изд-ве “Индрик” (Москва) в 2018 г.

¹³ См. статью Д.В. Арзютова в настоящем номере журнала.

АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии РАН.
АРГО – Архив Русского географического общества.
АЦМР – Архив Центра-музея им. Н.К. Рериха.
БПАНвК – Библиотека Польской Академии Наук в Кракове.
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Научная литература

Богораз В.Г. (ред.) Тунгусский сборник. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1931.

Майнов И.И. Два типа тунгусов // Русский антропологический журнал. 1901. № 2. С. 1–16.

Петри Б.Э. Вторая поездка в Предбайкалье летом 1913 года // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1914. № 3. С. 86–106.

Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай: Сибпресс, 1923.

Широкогоров С.М., Широкогорова Е.Н. Отчет о поездках к тунгусам и орочам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1914. Т. 3. С. 129–146.

Широкогорова Е.Н. Северо-Западная Манжурия (географический очерк по данным маршрутных наблюдений) // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. Владивосток: Типография Областной Земской Управы, 1919. С. 109–146.

Широкогорова Е.Н. Народная музыка в Китае // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Ред. Г.М. Василевич. Л.: Изд-во Института народов Севера, 1936. С. 283–286.

Castren M.A. Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre. Nebt kurzem Worterverzeichniss. St.Petersburg: Anton Schiefner, 1856.

Fèi X. Cóng shǐ lù guó lǎoshī xué tǐzhí rén lèi xué // Běijīng dàxué xuébào: Zhéxué shèhuì kēxué bǎn. 1994. No. 5. P. 13–22.

Guldin G. The Saga of Anthropology in China. Armonk: ME Sharpe, 1994.

Keith A. The Evolution of Human Races in the Light of the Hormone Theory // Johns Hopkins Hospital Bulletin. 1922. No 33. P. 155–159.

Liú Xiǎoyún. Shǐ lù guó duì zhōngguó zǎoqí rénlèi xué de yǐngxiǎng // Zhōngnán mínzú dàxué xuébào. 2007. Vol. 27. No. 3. P. 10–14.

Shirokogoroff E.N. Folkmusic in China // The China Journal of Science and Arts. 1924. No. 2. P. 116–121.

Shirokogoroff S.M. Anthropology of Northern China. Shanghai: Commercial Press, 1923a.

Shirokogoroff S.M. Ethnological Investigations in Siberia, Mongolia, and Northern China. Part 1 // The China Journal of Science and Arts (Shanghai). 1923b. Vol. 1. No. 5. P. 513–522.

Shirokogoroff S.M. Ethnical Unit and Milieu: A Summary of the Ethnos. Shanghai: E. Evans and Sons, 1924.

Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Northern Tungus. Shanghai: Commercial Press, 1929.

Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1935.

Shirokogoroff S.M. A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus Photogravured from the Manuscripts. Tokyo: Nippon Minzokugaru Kyokai, 1944.

Research Article

Anderson, D.G. Notes from His “Snail’s Shell”: The Zabaikal’ Fieldwork of S.M. Shirokogoroff and the Ground-Work for “Etnos-Thinking” [Zapiski “ushedshei v sebia ulitki”: zabaikal’skie ekspeditsii S.M. Shirokogorova i formirovanie osnov “etnos-myshleniia”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 5, pp. ??–??. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

David G. Anderson | <http://orcid.org/0000-0002-9624-5867> | david.anderson@abdn.ac.uk | University of Aberdeen, King’s College, Aberdeen AB24 3FX, UK

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Economic and Social Research Council, <https://doi.org/10.13039/501100000269> [ESRC ES/K006428/1]

Keywords

ethnos, history of ethnography, Trans-Baikal, the Evenki, the Orochen

Abstract

This article surveys the fieldwork of Sergei Shirokogoroff and his wife Elizabeta in northeastern Zabaikal'e in 1912 and 1913 to document the people whom he identified as Orochens. According to his own reflections, Sergei Shirokogoroff felt his ideas on ethnos and his acquaintance with Tungus shamanism, occurred at this time. Through surveying manuscripts and letters written from the field, or shortly after, the article weights the atmosphere of competition and introspection that may have lead him and his wife to seek out ever more isolated peripheries from which to theorize. Nevertheless, this first encounter with Orochen hunters and shamans would form the kernel of his theory of cultural resilience and degradation which would be a constant theme in his life's work.

References

- Bogoraz, V.G., ed. 1931. *Tungusskii sbornik* [The Tungus collection]. Vol. 1. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Castren, M.A. 1856. *Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre. Nebt kurzem Worterverzeichniss* [The Basics of Tungus Grammar. A Short Dictionary]. St.Petersburg: Anton Schiefner, 1856.
- Fèi, X. 1994. Cóng shǐ lù guó lǎoshī xué tǐzhí rénlèi xué [Physical Anthropology from Shirokogorov the Teacher Point of View]. *Běijīng dàxué xuébào: Zhéxué shèhuì kēxué bǎn* 5: 13–22.
- Guldin, G. 1994. *The Saga of Anthropology in China*. Armonk: ME Sharpe.
- Keith, A. 1922. The Evolution of Human Races in the Light of the Hormone Theory. *Johns Hopkins Hospital Bulletin* 33: 155–159.
- Liú Xiǎoyún. 2007. Shǐ lù guó duì zhōngguó zǎoqí rénlèi xué de yǐngxiǎng [The Influence of Shirokogorov on Early Chinese Anthropology]. *Zhōngnán mínzú dàxué xuébào* 3: 10–14.
- Mainov, I. 1901. I. Dva tipa tungusov [Two Types of the Tungus]. *Russkii antropologicheskii zhurnal* 2: 1–16.
- Petri, B.E. 1914. Vtoraia poezdka v Predbaikal'e letom 1913 goda [The Second Trip to Cisbaikalia in Summer 1913]. *Izvestiia Russkogo komiteta dlia izucheniia Srednei i Vostochnoi Azii* 3: 86–106.
- Shirokogoroff, E.N. 1924. Folkmusic in China. *The China Journal of Science and Arts* 2: 116–121.
- Shirokogoroff, S.M. 1923. *Anthropology of Northern China*. Shanghai: Commercial Press.
- Shirokogoroff S.M. 1923. Ethnological Investigations in Siberia, Mongolia, and Northern China. Part 1. *The China Journal of Science and Arts (Shanghai)* 5: 513–522.

- Shirokogoroff, S.M. 1924. *Ethnical Unit and Milieu: A Summary of the Ethnos*. Shanghai: E. Evans and Sons.
- Shirokogoroff, S.M. 1929. *Social Organization of the Northern Tungus*. Shanghai: Commercial Press.
- Shirokogoroff, S.M. 1935. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd.
- Shirokogoroff, S.M. 1944. *A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus Photogravured from the Manuscripts*. Tokyo: Nippon Minzokugaru Kyokai.
- Shirokogorov, S.M., and E.N. Shirokogorova. 1914. Otchet o poezdakh k tungusam i orochonom Zabaikal'skoi oblasti v 1912 i 1913 gg. [A Report on the Trips to the Tungus and Orochen of Transbaikalia in 1912 and 1913]. *Izvestiia Russkogo komiteta dlia izucheniia Srednei i Vostochnoi Azii* 3: 129–146.
- Shirokogorova, E.N. 1919. Severo-Zapadnaia Man'chzhuriia (geograficheskii ocherk po dannym marshrutnykh nabliudenii) [North-Western Manchuria (Geographical Report Based on Expedition Observations)]. In *Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta v g. Vladivostoke* [Proceedings of the Department of History and Philology in Vladivostok], 109–146. Vladivostok: Tipografiia Oblastnoi Zemskoi Upravy.
- Shirokogorova, E.N. 1936. Narodnaia muzyka v Kitae [Folk Music in China]. In *Sbornik materialov po evenkiiskomu (tungusskomu) fol'kloru* [A Collection of Materials on Evenki (Tungus) Folklore], edited by G.M. Vasilevich, 283–286. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa.